

## Глава 21. Это существо принесло в долину людской мир

Общение душ — дело совсем не лёгкое.

Перед мощной душой, прожившей тысячи лет и острой, как обнажённый клинок, Цзян Тан со своими жалкими двадцатью с небольшим годами и гладкой, безмятежной жизнью выглядел слабым и бедным до смешного.

Он ведь даже культивацией никогда не занимался. Обычный смертный из другого мира. Такая душа среди культиваторов, для которых сотня или тысяча лет — пустяк, была не более чем жалкой искоркой, которую можно погасить одним порывом ветра.

Этот жалкий трусишка оказался насильно втянут в смертельное переплетение душ. Его мягкую, до невозможности нежную душу поймали, и ей оставалось лишь крепко обнять всю ту боль, что копилась в душе Фу Линцзюня тысячи лет.

Все эти чувства были слишком острыми. Слабая душа дрожала, сопротивлялась, едва не плакала. А поплавав, всё равно была вынуждена снова и снова принимать на себя волны эмоций, исходивших от Фу Линцзюня.

Цзян Тану казалось, что его душа вот-вот растает.

Сейчас он был как мороженое, оставленное на солнцепёке. Его даже ложкой ковырять не нужно — он и сам стремительно таял.

После того как эти ужасные, способные довести до безумия чувства без конца жалили его душу, тёплая и сильная душа мягко успокаивала его. И стоило Цзян Тану решить, что он, кажется, ещё может продержаться немного, как следом снова накатывало всепоглощающее цунами.

Снова и снова. Раз за разом.

Цзян Тан — дрожащий, неопытный, мало что повидавший, только-только начавший что-то понимать, но тут же утонувший в слишком большом для себя опыте, — в конце концов был вынужден покинуть общий чат просто потому, что оказался слишком слаб и не поспевал за темпом большого босса.

Простите, что побеспокоил. Я откланяюсь!

Вернувшись в своё тело, Цзян Тан сидел как оглушённый.

Довольно долго у него в голове была полная пустота. Ему самому казалось, будто его всего

подвесили в воздухе: лапы стоят на земле, а ощущение всё равно такое, словно он плывёт. Когда же эта пустота наконец прошла, из каждого уголка тела хлынули дрожь и наслаждение, будто мелкие электрические разряды один за другим пробежали по нему.

Чёрт. Он окончательно превратился в бесполезную собаку.

Оба уха у Цзян Тана горели так, что хоть яйца на них вари. Он долго прятал мордочку в лапах, пытаясь прийти в себя, а потом... просто не смог подняться.

— У-у-у... — Бедный пушистый комочек ещё не оправился после отравления, а тут его вдобавок дважды прокатили через могучую душу. Белая пушистая тушка распласталась по земле, мягкая, словно только что вынутая из печи сахарная вата.

Этот проклятый идиот Фу Линцзюнь! А-а-а! Да это же натуральное домогательство!

В этой бесконечной и затянувшейся встрече душ он наконец уловил какой-то совсем иной привкус.

Если подумать... то, что между ними произошло, разве не было чем-то вроде слияния душ? В культивационных романах ведь обычно именно так и пишут, верно?

Когда два культиватора, понимающие друг друга сердцем, входят в души друг друга, а потом там всякое такое, и после нескольких заходов культивация резко растёт... Разве это не называется духовным соитием? Или двойной культивацией?

Но где у них с Фу Линцзюнем взялось взаимопонимание? Они же даже языка толком общего не знают! И при этом всё равно смогли так «сблизиться» — ну это уже просто абсурд!

У-у-у, у Цзян Тана сейчас голова треснет. Он ничего не понимал, но чувствовал себя так, будто запачкался и лишился невинности.

Когда их души соприкоснулись, память Фу Линцзюня, куда более ясная и обширная, чем те шарообразные воспоминания в прошлый раз, без остановки вливалась в его душу. Слабый, бедный, беспомощный смертный Цзян Тан не выдерживал такого потока. Голова у него буквально собиралась взорваться.

Будто в его душу насильно впихнули целого Фу Линцзюня. А старый монстр, проживший тысячи лет, пережил слишком много страшного. В его душе было слишком много всего, слишком пёстрого и тяжёлого. Голова Цзян Тана просто не справлялась.

Процессор мозга перегружен. Запрос на полную очистку мозга отправлен.

Запрос отклонён.

Начинается приём сверхтяжёлого файла от пользователя Фу Линцзюнь.

Приём не удался. Запрос отклонён.

Отклонение не удалось. Начинается приём сверхтяжёлого файла от пользователя Фу Линцзюнь.

Цзян Тан: «...»

Ладно. Что уж теперь. Не разводиться же. Придётся и дальше пользоваться этим мозгом как есть.

Но раз он получил часть воспоминаний Фу Линцзюня, значит ли это, что Фу Линцзюнь тоже увидел его?

Получается, его в каком-то смысле просто увидели насквозь?

Погодите... В его двадцатилетней с хвостиком памяти ведь не было ничего такого, что нельзя было бы показывать, правда?

Мозг Цзян Тана, и без того дышавший на ладан, начал с огромным трудом шевелиться под грузом лишних программ. С детства он был учеником не то чтобы образцовым, но уж точно очень честным и послушным. В университете ни с кем не встречался, а став офисным рабом, и вовсе каждый день сидел в переработках — уж не до сомнительных развлечений ему было...

За исключением тех самых маленьких фильмов, которые каждый подросток-мальчишка тайком смотрит по ночам, а потом пересылает друзьям...

Цзян Тан, внезапно вспомнивший некоторые видео формата mvk, вспомнивший, что они только что обменялись частью памяти, и к тому же эти видео были не просто видео, а с представителями разных стран, на любой вкус и весьма откровенные, — в этот момент едва не захотел отформатировать собственный мозг.

Больше никаких мирских желаний.jpg

У него, может, и не осталось мирских желаний, зато у Фу Линцзюня, чья душа и тело продолжали медленно разрушаться, желания были.

Он умирал.

Но кто-то протянул ему спасение.

Чёрный кокон, вкусивший, как его медленно лечит нежная душа, уже начал проявлять подобие собственной воли. Маленький зверёк, в панике сбежавший из слияния душ, жалко отполз в сторону, но не успел окончательно уйти, как тонкая бледно-фиолетовая нить обвилась вокруг его задней лапы и снова потащила назад.

Цзян Тан: «Чёрт! Чёрт! Вы слышите?! Это что, вообще без конца будет?!»

И он снова рухнул в бездну.

Во второй раз всё было ещё привычнее. Другая сторона явно уже набила руку. Цзян Тан почти в первое же мгновение расплавился и превратился в бесформенную массу, которую уже не поднять.

Но, похоже, собеседника это ничуть не смущало. Он переворачивал и перебирал это мягкое, беспомощное тесто души как хотел. И когда Цзян Тан наконец дополз до состояния полного душевного истощения и снова вывалился наружу, у него уже не осталось сил даже убежать.

Всё. Хороните меня прямо здесь. Мирно.jpg

Цзян Тан и сам не понял, когда именно уснул. Но как только он провалился в сон, чёрный кокон тоже начал постепенно стихать. Получив достаточно силы души, чтобы хотя бы наполовину залечить раны, он вышел из прежней безнадежной близости к смерти. Фигура внутри перестала метаться и постепенно замерла в покое.

Светлячки разлетались вокруг, и вся равнина казалась перевернутой рекой звезд, медленно текущей по земле.

Ветер пришёл издалека — самый мягкий и ласковый. Призрак внутри кокона, успокоенный нежной душой, понемногу сбрасывал с себя колючую ненависть и обиду. И вот один особенно смелый светлячок сел прямо на кокон и заплясал на мерцающих дугах бледно-фиолетового грома.

Такое молчание длилось очень долго.

Сян Син, остававшийся снаружи долины Тяньбэй, прождал от белого дня до ночи, а потом от ночи до следующего дня.

Багровое солнце выпрыгнуло из-за горизонта, окрасив небо румяным светом. Сян Син сидел на траве, покрытой утренней росой. Над его головой пролетали птицы и садились на соседнюю ветку персика, где уже цвела весна. Он жалобно смотрел на мёртвую долину Тяньбэй и почти не моргал.

Когда утреннее солнце начало припекать, Сян Син наконец не выдержал. Он поднялся, глубоко вдохнул, словно собираясь с храбростью, и, стиснув кулаки, решительно зашагал в долину.

Шёл он быстро. Чёткий звон цепей разбудил дремлющую тьму.

Когда он пересекал равнину светлячков, то издали увидел чёрный кокон, объятый громовым пламенем, и маленького зверька размером с ладонь, лежащего рядом.

Прыгающие молнии очерчивали вокруг целый круг, как раз охватывая внутри и маленького зверька.

Внутри кокона смутно двигалась человеческая фигура.

— Хозяин... Сяо Бай... — Сян Син сразу узнал Фу Линцзюня по силуэту в коконе. Он сам был возвращён к жизни Фу Линцзюнем. И даже если бы от хозяина осталась одна только обрывочная душа, он всё равно узнал бы её.

Высокая гора мышц с цепями на руках осторожно шагнула ближе к кокону.

Светлячки почувствовали его приближение и разлетелись во все стороны.

А силуэт внутри кокона становился всё яснее. Сначала он медленно распрямился из позы, в которой был свёрнут, потом поднялся на ноги и голыми руками раздавил кокон перед собой. Чёрные одежды мгновенно облекли его тело, а осколки кокона, усеянные громовым пламенем, быстро втекли обратно в ладонь Фу Линцзюня.

— Хозяин! — Сян Син шагнул вперёд, а потом вспомнил, что всё же ослушался приказа и вошёл внутрь, и тут же испуганно отступил на полшага назад. — Хозяин... всё... хорошо?

Сознание Фу Линцзюня на миг опустело. Лишь спустя некоторое время он окончательно пришёл в себя. Он шагнул вперёд и едва не наступил на пушистый белый комочек у своих ног.

— Когда он сюда пришёл? — Голова ещё побаливала. Он потёр виски и слегка качнул головой.

Сян Син долго загибал пальцы, пытаясь посчитать:

— Вчера... позавчера... вчера...

В этой вечной ночи он слишком долго жил и уже плохо понимал течение времени.

Значит, это было давно.

Фу Линцзюнь поднял обмякший комочек с земли. Тот сейчас был похож на текучую воду, будто в нём совсем не осталось костей. На его ладони он перекатывался и сползал туда-сюда.

Выглядел он очень нехорошо.

Фу Линцзюнь уже частично восстановил внутренние раны, и духовная сила тоже понемногу возвращалась. С кончиков его бледных пальцев тонкой струйкой потёк золотисто-красный свет и свернулся в крошечного феникса.

Феникс потёрся о его пальцы, а затем нырнул в тело зверька.

Но зверёк и не подумал просыпаться.

Тогда Фу Линцзюнь успокоил дыхание и внимательнее ощутил нынешнее состояние его тела. И понял, что пока всё в порядке. Там, где прежде была кость судьбы, его духовная сила временно удерживала жизнь. Опасности для жизни пока не было. Просто неизвестно, что именно так измучило маленького зверька: стоило положить его на ладонь, как он мгновенно проваливался в глубокий сон.

Ладно, подумал он. Лишь бы только с ним всё было хорошо.

— Сян Син, идём, — позвал он здоровяка и с пушистым комочком на руках пошёл вперёд.

А потом остановился.

Чуть приподняв подбородок, он наконец заметил, что с этим миром что-то не так.

Небо над долиной Тяньбэй уже тысячи лет оставалось в вечной ночи, без малейшей перемены. Но с того момента, как он вышел из бездны, в небесном своде вдруг появилась трещина.

Из этой щели с усилием пробивался свет, покрывая их обоих бледным золотом. Две высокие тени легли на землю и медленно вытягивались по мере их движения.

Фу Линцзюнь прищурился и поднял руку, прикрываясь от неожиданно пролившегося света.

Тёплый. Ослепительный. Яркий. Живой. Солнечный.

Луч, пробившийся через разлом, постепенно рвал небо всё шире. В этой запечатанной земле, где не было ни дня, ни ночи, ни звёзд, ни луны, вдруг образовалась щель, и в неё пролилось

золотое сияние рассвета.

С этого мгновения долина Тяньбэй начала оживать.

Фу Линцзюнь шёл вперёд, неся на руках маленького зверька.

И с каждым его шагом окружающий мир менялся всё заметнее.

Сначала в мёртвой равнине раздался ветер, а вместе с ним — стрёкот насекомых. Совсем как летний вечер: шумный, суетливый, но живой.

Затем откуда-то из другого мира в безмолвную долину донеслось далёкое щебетание птиц.

Неизвестно откуда хлынула вода и с шумом потекла по прежде высохшей земле. А вслед за ней на пустоши, словно в одно мгновение, начала подниматься свежая зелёная трава.

В потоках воды появились живые существа: одни, размахивая прозрачными клешнями, важно грозили всем подряд, другие юрко виляли серебряными хвостами и ныряли на дно.

Шероховатые скалы покрылись зеленью. Вьющиеся лианы медленно поползли по древним, полуразрушенным дворцам. На золотые глазурованные крыши невесть откуда упали семена и в ту же минуту распустили нежные цветы.

На двух разбитых фениксах, лежавших на кровле под двускатным изогнутым верхом, теперь сидели и чирикали несколько воробьёв.

На засохших и сгнивших ветвях пробились новые почки. Вокруг дворца сухое прежде озеро стало понемногу наполняться журчащей водой. Она протекала вдоль длинных, обветшавших галерей над павильоном посреди озера, и стоило протянуть руку — можно было зачерпнуть прозрачную, сладкую воду.

Фу Линцзюнь шёл по этой запечатанной земле, заброшенной уже многие тысячи лет, прижимая к себе маленького зверька.

И ветер теперь приносил не только стрёкот и птичье щебетание, но и лёгкий, свежий аромат цветов.

Он опустил взгляд на белый пушистый комочек у себя на руках.

Это существо принесло в долину людской мир.

<http://bllate.org/book/17032/1601807>